

Хелен Келлер

ИСТОРИЯ
МОЕЙ
ЖИЗНИ

открывая мир
движениями пальцев

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2024

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
К34

Helen Keller
STORY OF MY LIFE
and other texts

Келлер, Хелен.
К34 История моей жизни : открывая мир движениями пальцев / Хелен Келлер ; [перевод с английского Ю. Самохиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-204694-0

Тьма и тишина. Такой приговор получила маленькая Хелен на втором году жизни. Слепоглухонемая, будто сидящая на дне темного колодца, неспособная выразить себя и понять других, злая на весь мир девочка без будущего...

Но когда Хелен было 7 лет, родители нашли для нее учительницу, Энн Салливан. Она смогла сделать невозможное. С большой любовью, состраданием и упорством мисс Салливан научила девочку ручной азбуке, помогла ей постичь суть вещей и выйти из темницы невежества.

«История моей жизни» — всемирно известные мемуары Хелен Келлер, первой слепоглухонемой, которая окончила Гарвард и доказала, что любовь, упорство и сила воли способны творить чудеса.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-204694-0

© Самохина Ю., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Предисловие

Слепоглухонемая Хелен Келлер написала семь книг, и самое поразительное то, что их чтение не вызывает ни слезливого сочувствия, ни снисходительной жалости. Вы словно читаете записки путешественника в неведомую страну. Ее красочные, живые описания позволяют читателю погрузиться в неизведанное в сопровождении человека, который как будто сам выбрал такой необычный жизненный маршрут.

Хелен Келлер лишилась зрения и слуха в возрасте полутора лет. Острое воспаление мозга отрезало сообразительную малышку от мира — она тщетно пыталась понять, что происходит, и страстно желала объяснить этому миру свои мысли и чувства. Сильная и яркая натура поначалу проявлялась лишь в яростных вспышках гнева, но впоследствии помогла ей стать Личностью.

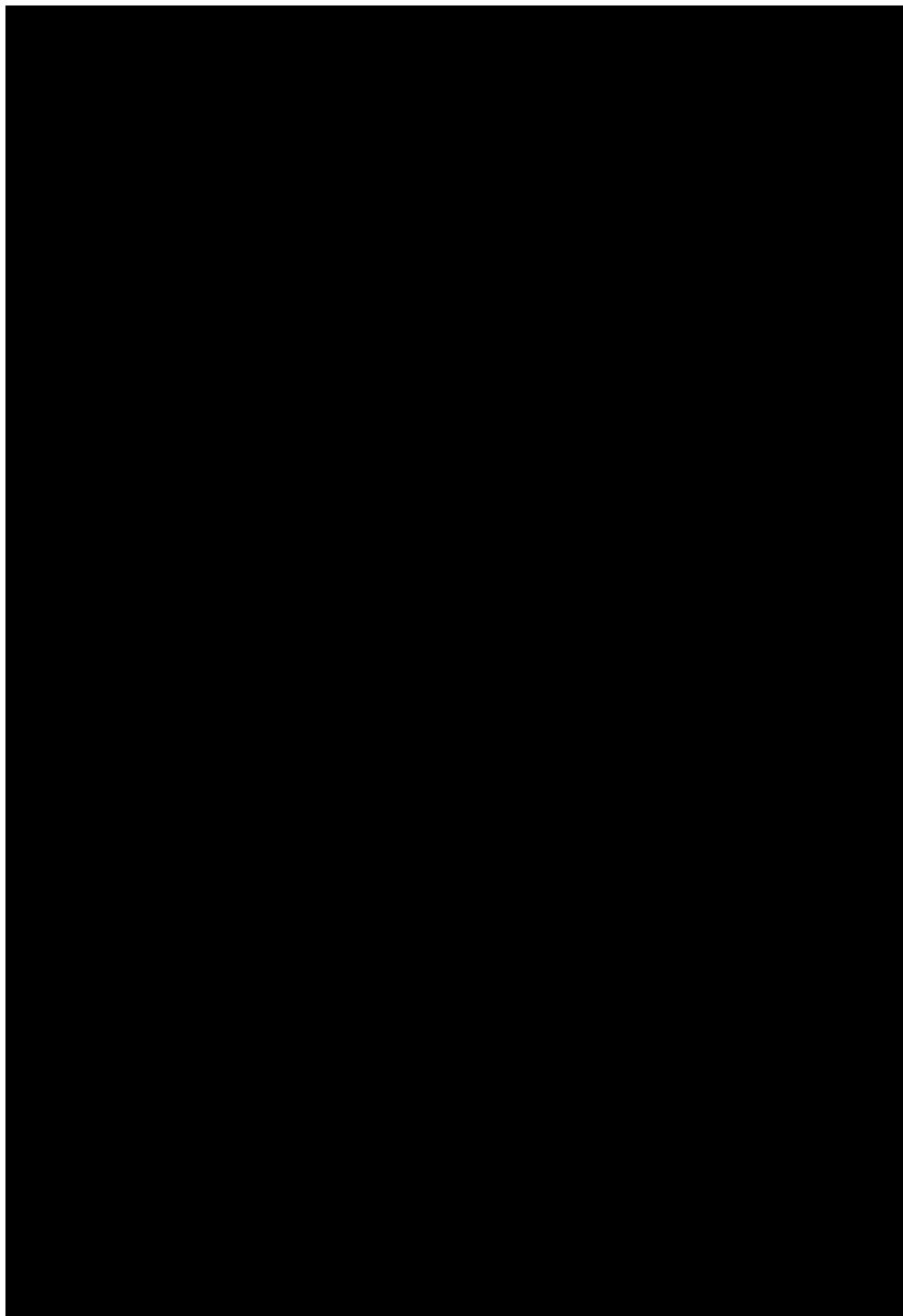
В то время людей, подобных ей, юридически признавали идиотами, и семьи старались спрятать их от мира. Но Хелен Келлер повезло. Она родилась в Америке, где в ту пору уже разрабатывались методы обучения глухих и слепых. А в возрасте 7 лет с ней произошло настоящее чудо: ее учительницей стала Энн Саливан, которая сама пережила временную потерю зрения. Она оказалась чутким, талантливым и терпеливым педагогом и стала спутницей Хелен Кел-

лер, помогая ей во всех начинаниях. Сначала она научила ее ручной азбуке и всему, что знала сама, а потом помогала с дальнейшим образованием.

Хелен Келлер прожила 87 лет. Глубина ее суждений, энергия и сила воли помогли ей завоевать уважение множества самых разных людей: видных государственных деятелей, писателей, ученых.

Марк Твен говорил, что две самые выдающиеся личности XIX столетия — это Наполеон и Хелен Келлер. Это неожиданное, на первый взгляд, сравнение, но оно становится понятным, если признать, что они оба изменили наше представление о мире и границах возможного. Вот только Наполеон подчинял и соединял народы силой оружия и своего стратегического гения, а Хелен Келлер показала нам мир физически обездоленных изнутри. Благодаря ей мы проникаемся состраданием и уважением к силе духа, источником которой служат доброта людей, богатство человеческой мысли и вера в Божий промысел.

Составитель

История моей жизни,
или Что такое любовь

*Я посвящаю эту историю моей жизни
Александру Грэхему Беллу,
который научил глухих говорить
и позволил услышать
в Скалистых горах слово,
произнесенное на побережье Атлантики*

Глава 1

И ДЕНЬ ТОТ НАШ...

Мне немного страшно описывать свою жизнь. Можно даже сказать, что я ощущаю суеверное колебание, когда приподнимаю вуаль, которая окутывает мое детство, словно золотистый туман. Писать автобиографию весьма трудно, потому что, когда я пытаюсь добраться до своих самых ранних воспоминаний, то обнаруживаю, что путаю реальность и фантазию — так сильно они переплелись. Они сформировали неразрывную цепь, которая протянулась сквозь годы и соединила прошлое с настоящим. Женщина, живущая в настоящем, вытаскивает из воспоминаний события и переживания ребенка. Лишь несколько детских впечатлений вспыхивают яркими звездами на небосклоне воспоминаний, а остальные... «На остальном лежит тюремный мрак». К тому же то, что казалось важным в детстве, затмили новые открытия, а радости и печали тех времен потеряли свою остроту. Я не хочу вас утомлять, поэтому кратко опишу лишь самые важные и интересные события.

Я родилась в маленьком городке Таскамбии, что на севере Алабамы, 27 июня 1880 года.

Моим предком по отцовской линии был Каспар Келлер — уроженец Швейцарии, который затем переселился в Мэриленд. Один из моих родственников стал первым учителем для глухих в Цюрихе и даже написал книгу по их обучению.

Необыкновенное совпадение. Хотя не зря говорят, что нет ни одного короля, который не вел бы свой род от раба, и ни одного раба, который не вел бы свой род от короля.

Мой дед, сын Каспара Келлера, переселился в Алабаму, купив там обширные земли. Мне рассказывали, что раз в год он отправлялся верхом на лошади из Таскамбии в Филадельфию, чтобы закупить припасы для своей плантации. У моей тетушки даже хранятся его письма семье, в которых он очень живо описывает эти поездки.

Моя бабушка — дочь Александра Мура, одного из адъютантов Жильбера Лафайета, и внучка Александра Спотвуда — губернатора колонии Виргинии. Она также была троюродной сестрой Роберта Ли.

Артур Келлер, мой отец, являлся капитаном армии конфедератов. А его вторая жена — моя мать Кейт Адамс — была намного моложе его.

Пока болезнь не лишила меня зрения и слуха, я жила в крохотном домике, где были лишь основная большая квадратная комната и еще одна маленькая, в которой спала служанка. На Юге обычно строили такие маленькие домики около главных, они превращались в пристройку для временного жилья. После Гражданской войны, когда отец женился на моей матушке, он построил именно такой домик, в котором они жили сначала. Его сверху донизу увивали виноград, розы и жимолость. А со стороны сада он и вовсе походил на беседку. Маленькое крыльцо скрывали от глаз заросли желтых роз и южного смилакса. Там любили прятаться колибри и пчелы.

Большая часть семьи жила в главном доме — усадьбе Келлеров, которая стояла всего в нескольких шагах от розового домика. Усадьбу называли «Зеленый плющ», потому что и дом, и окружающие его деревья, и заборы были покрыты красивейшим английским плющом. В детстве этот старомодный сад был для меня раем.

Я обожала пробираться вдоль жестких квадратных самшитовых изгородей и по запаху отыскивать первые фиалки и ландыши. Именно там я могла найти покой после буйных вспышек гнева, спрятав разгоряченное лицо в прохладе листьев. Я испытывала счастье, когда могла затеряться среди цветов, когда внезапно натыкалась на виноград, который узнавала по листьям и гроздьям, и понимала, что это тот самый виноград, который оплетает стены летнего домика в конце сада! Там же стелился клематис, склонялись ветви жасмина и росли редкие душистые цветы — их называли лилиями-бабочками за нежные лепестки, похожие на крылья этих насекомых. Но прелестнее всего были розы. В оранжереях на Севере не было таких, затрагивающих все струны моей души, роз, как те, что увивали мой домик на Юге. Их длинные гирлянды свисали над крыльцом и наполняли воздух чудесным чистым ароматом. Омытые росой раннего утра, они казались такими бархатистыми и чистыми, что я думала, что такими, наверное, должны быть цветы в райском саду.

Мое детство походило на жизнь любого другого ребенка. Пришел, увидел, победил — типичное поведение первенцев. Конечно, родители долго спорили, как меня назвать. Первенцу нельзя давать первое попавшееся имя. Отец предложил назвать меня Милдред Кэмпбелл в честь своей родственницы, которую высоко ценил, и отказался дальше обсуждать этот вопрос. Матушке пришлось сделать выбор, и она сказала, что хочет назвать меня в честь своей матери — Хелен Эверетт. Однако, когда отец отправился со мной в церковь, он, естественно, позабыл это имя, тем более что никогда не рассматривал его всерьез. Когда священник спросил у него, какое имя дать ребенку, он лишь вспомнил, что меня решили назвать по бабушке, и ответил: Хелен Адамс.

Мне рассказывали, что, даже будучи младенцем, я уже вела себя пылко и решительно. Я старалась повторить все,

что в моем присутствии делали другие. В возрасте шести месяцев я уже могла произносить что-то похожее на «Ка дела», а однажды привлекла всеобщее внимание, совершенно отчетливо сказав: «Чай, чай, чай». Даже после болезни я помнила одно из выученных тогда слов — слово «вода». Я пыталась повторить его, издавая похожие звуки, даже после того, как утратила способность говорить. И только когда научилась составлять это слово по буквам, перестала постоянно говорить «ва-ва».

Как мне говорили, пошла я ровно в год. Мама только что закончила купать меня и держала на коленях, когда внезапно мое внимание привлекло мелькание теней от листьев, изгибающихся в солнечном свете на натертом полу. Я сползла с колен матери и почти побежала к ним навстречу. А когда порыв иссяк, упала и заплакала, чтобы матушка вновь взяла меня на руки.

Но эти счастливые деньки вскоре закончились. Одна короткая весна, наполненная щебетанием пересмешников и зябликов, одно лето, богатое фруктами и розами, и всего одна багряно-золотая осень, которые промчались, оставив свои дары пылкому, восхищенному ими ребенку. Затем наступил унылый сумрачный февраль, принесший с собой болезнь, которая запечатала мне глаза и уши и погрузила меня в бессознательное состояние новорожденного младенца. Доктор сказал, что к моему мозгу и желудку прилило слишком много крови. Он думал, что я не выживу. Однако как-то ранним утром лихорадка прошла так же внезапно и таинственно, как появилась. В то утро вся семья ликовала, но никто из них, даже доктор, не знал, что я больше никогда не буду ни слышать, ни видеть.

Мне кажется, что у меня остались смутные воспоминания о том времени. Мне вспоминается нежность моей ма-

тушки, когда она пыталась успокоить и облегчить мои мучения. А еще помню свою растерянность и боль, когда я открывала сухие воспаленные глаза после практически бессонной ночи, проведенной в бреду, и смотрела в стену, отворачиваясь от света, который так любила раньше и который тускнел с каждым днем. Но за исключением этих мимолетных воспоминаний, если это действительно они, прошлое кажется мне ненастоящим, больше похожим на кошмарный сон.

Со временем я привыкла к темноте и молчанию, которые окружили меня, и забыла, что раньше все было иначе. И жила в этой темноте, пока не появилась та, кому было суждено освободить мою душу, — моя учительница... Но в первые двенадцать месяцев моей жизни я смогла поймать смутные образы сияющих небес, широко раскинувшихся зеленых полей, деревьев и цветов. Упавшая потом тьма не смогла совсем стереть их из моей памяти. Если мы когда-то могли видеть, «тот день был наш, и наше все, что он нам показал».

Глава 2

МОИ БЛИЗКИЕ

Чего не могу вспомнить, так это того, что происходило в первые месяцы после моей болезни. Знаю лишь, что цеплялась за платье матушки, пока она занималась домашними делами, или сидела у нее на коленях. Я ощупывала каждый предмет, следила за каждым движением, и это помогло мне многое узнать. Вскоре мне захотелось общаться с другими, и я стала пытаться объясняться знаками. Если я качала головой, это означало «нет», кивала — «да», тянула к себе с просьбой «приди», а отталкивала, чтобы человек «ушел». Если я хотела хлеба, то показывала, как режут ломтики и намазывают их маслом. А если я хотела мороженое на ужин, то